

ИНТЕРЕС ПУШКИНА К ДРЕВНЕМУ ЕГИПТУ. ГУЛЬЯНОВ

В июле 1830 г. Пушкин получил анонимное стихотворное послание. Автор его обращался к музам, опечаленным вестью о женитьбе поэта, утешал их и сулил новый взлет в творчестве гения¹. Уже в полной мере почувствовавший, что широкая публика от него отвернулась, то и дело читавший неблагоприятные отзывы журналов о своих произведениях, Пушкин был растроган вниманием неизвестного друга и набросал 29 строк «Ответа анониму»:

О кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной (III, 229)².

Вскоре выяснилось, что стихи прислал отнюдь не отрок, и не «пола кроткого стыдливый херувим», и даже не товарищ юности, а почтенный член Российской Академии, видный языковед и египтолог Иван Александрович Гулянов (1789–1842). В конце 1830 или в начале 1831 г. состоялось знакомство Гулянова с Пушкиным. В письме к М. П. Погодину от 15 сентября 1831 г. Гулянов передает Пушкину поклон³. По рассказам, записанным П. И. Бартевым, они встречались в доме П. В. и В. А. Нащокиных, живо обсуждали проблемы, волновавшие ученого, причем тот был поражен глубокими знаниями Пушкина в области языковедения⁴.

В архиве Гулянова, поступившем в Государственный исторический музей, был обнаружен листок с рисунком пирамиды и французской подписью Гулянова: «Начертанная по этому Александром Пушкиным в разговоре, который я имел с ним в это утро о моих трудах вообще и о иероглифических знаках в частности. 31 декабря 1831 года»⁵. Судя по этой надписи, беседа проходила не на светском рауте, а во время специальной утренней встречи. Кто кому нанес визит накануне нового года, мы не знаем, по и тут неминуемо возник вопрос, занимавший в то время все образованное общество, — о расшифровке египетских иероглифов.

Этот «археологический рисунок» Пушкина — не единственный. Второй тоже связан с Египтом и находится на черновике стихотворения «Осень», относящемся к октябрю 1833 г. Как известно, этот шедевр русской поэзии обрывается на словах: «Куда ж нам плыть?», после чего идут две строки многоточий. В черновиках намечались различные направления пути для «оснащенного корабля», и среди них — «Египет колоссальный», «где дремлют древние за Нилом пирамиды», «где дремлют вечности символы, пирамиды» (III, 934, 935). Думая об этой стране, в характерной быстрой манере Пушкин начертил на полях контур древней статуи, восседающей на ступенчатом пьедестале⁶. Рисунок Пушкина восходит, несомненно, к гравюре в какой-то книге. Точность воспроизведения заставляет внимательнее приглядеться и к листку, оставшемуся у Гулянова. Пирамида на нем необычная — не с острой, а с плоской вершиной. Может быть, это случайность, но не исключено, что Пушкин знал о пирамиде

¹ Для биографии Пушкина. — Москвитянин, 1842, ч. II, № 3, с. 45–48.

² Все ссылки на произведения А. С. Пушкина даны в тексте по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома I–XVI, 1937–1949). Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

³ Цявловский М. А. Пушкин по документам архива М. П. Погодина. — Литературное наследство, 1934, 16–18, с. 711.

⁴ Нащокины П. В. и В. А. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым. — Воспоминания, т. II, с. 229.

⁵ Деницкий Ю. К истории одного рисунка. — Огонек, 1951, № 23, с. 19; Терехина Р. Е. Новые поступления в пушкинский рукописный фонд. — Временник, 1965, с. 15–19.

⁶ Измайлов Н. В. «Осень». — Стихотворения Пушкина 1820–1830 гг. Л., 1974, с. 248; Эфрос А. М. Рисунки поэта. М., 1933, рис. на с. 313, 432, 433.

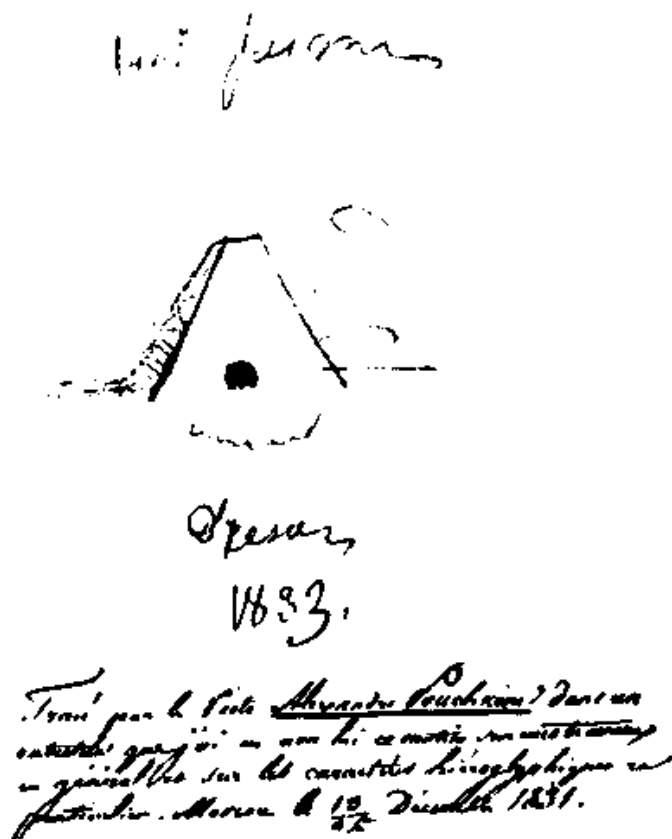

Рис. 12. Пирамида (Рисунок А. С. Пушкина 31 декабря 1831 г.)

такой формы, самой ранней из всех, возведенной фараоном Джосером около 2800 г. до нашей эры⁷.

Литературоведы предполагают, что египетская тема в «Осени» появилась под влиянием Гульянова⁸. Это вполне вероятно, но отнюдь не обязательно. Загадки Древнего Египта привлекали русское общество задолго до 1830-х годов. Еще в 1781 г. в масонском «Московском ежемесячном издании» Н. И. Новикова говорилось о поисках истоков цивилизации, таящихся не в Греции, а на Ниле, о необходимости дешифровки иероглифов, скрывающих великие тайны (масоны ждали, конечно, не того, что историки и лингвисты, а неких божественных откровений)⁹. В том же году В. И. Баженов запрашивал Екатерину II об отделке Царицынского дворца: «Поведено ли будет... убирать штукатуркой в древнем египетском, греческом, геркуланумском вкусе?»¹⁰ Египетский стиль рассматривался уже как равноправный с основными разновидностями классики.

Особенно возрос интерес к Египту после наполеоновского похода 1798–1801 гг. Бонапарт взял с собой целый «генеральный штаб ученых» из 122 человек. Они составили детальное описание сотен памятников. Удачная находка Розеттского камня с надписью, повторенной трижды, — иероглифами, демотическим письмом и по-гречески, помогла Жану Франсуа Шампольону найти два десятилетия спустя принципы расшифровки большинства иероглифов. В России пристально следили за этими открытиями. А. К. Толстой рассказал, как, разбирая старые книги в поместье Погорельцы, он с удивлением наткнулся здесь — в брянской

⁷ Там же, рис. 18.

⁸ Теребенина Р. Е. Новые поступления...

⁹ Московское ежемесячное издание, служащее продолжением «Утреннего света», 1781, ч. I, предисловие, с. XIX, XX.

¹⁰ Михайлов А. И. Баженов. М., 1951, с. 150.

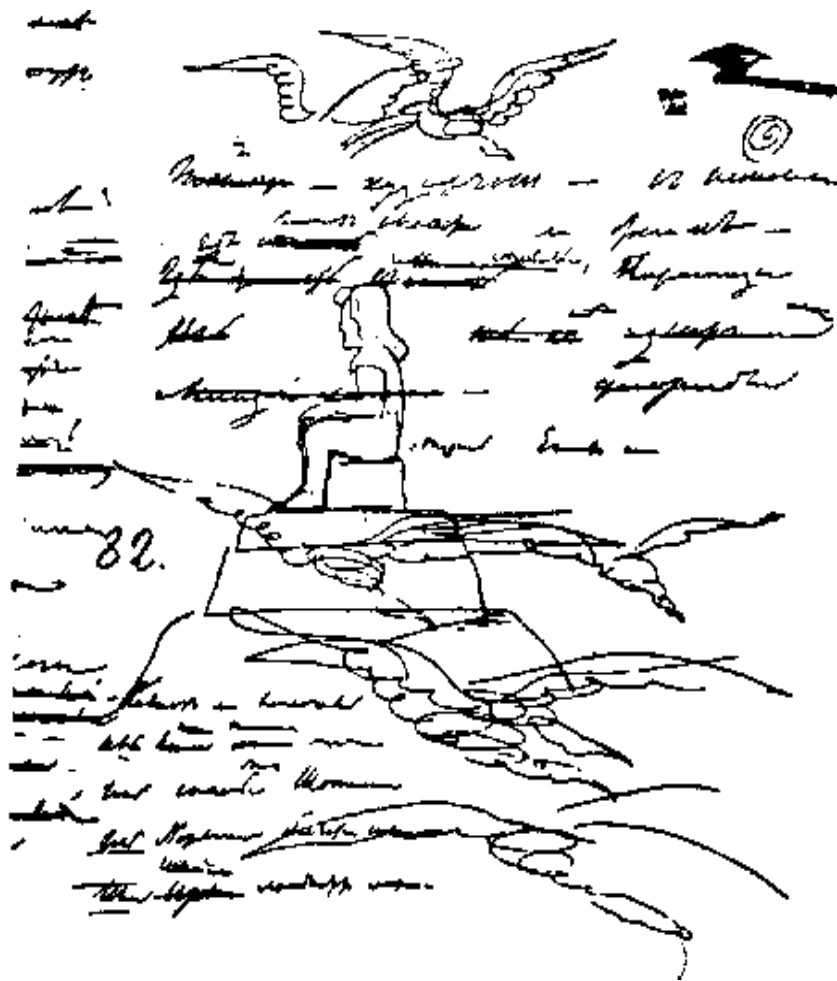

Рис. 13. Колосс Мемнона
(Рисунок А. С. Пушкина на черновике стихотворения «Осень» октябрь 1833 г.)

глуши — на многотомное описание Египта, подготовленное по приказу Наполеона (под редакцией Эдме Жомара. В издании 1809–1822 гг. — 21 том, в издании 1821–1829 — 37)¹¹. Наши путешественники и коллекционеры нередко привозили из Африки всевозможные древности — от миниатюрных скарабеев до мумий и массивных каменных изваяний¹². В Академии наук в 1825 г. был создан особый Египетский музей. Туда поступила богатая коллекция, купленная у Ф. Кастильоне. Архитекторы все чаще применяли мотивы египетского зодчества. В 1820-х годах Д. И. Жилярди построил в имении Кузьминки под Москвой Египетский павильон. Аналогичные здания украсили Царское Село, Павловск, Кронштадт, Петербург. В 1832–1834 гг. К. А. Тон установил на Васильевском острове привезенных из Фив сфинксов Аменхотепа III. Эта находка 1828 г. была приобретена русским правительством за 64 тыс. рублей благодаря хлопотам двух знакомых Пушкина — А. Н. Муравьева и А. Н. Оленина. Доставка статуй в Петербург обошлась еще в 28 тыс. рублей.

«Очерк иероглифической системы» Ж. Шампольона увидел свет в Париже в апреле 1824 г., а уже через несколько месяцев «Сын отечества» поместил подробное изложение этого труда, выпущенное затем и отдельной брошюрой. Реферат принадлежит перу декабриста

¹¹ Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х т. М., 1964, т. IV, с. 98 (письмо к Н. М. Жемчужникову от 28 ноября 1858 г.).

¹² Хитрово Н. З. Описание мумии, найденной в 1820 г. близ Мемфиса кн. Г. И. Авраловым и ныне находящейся в Москве. М., 1826.

Г. С. Батенькова. Он занимался литературой об иероглифах вместе с самим М. М. Сперанским¹³. Другой декабрист — А. А. Бестужев — прочел в 1822 г. в Вольном обществе любителей российской словесности доклад «О гробницах в подземельях фивских», впоследствии опубликованный¹⁴. Интерес к культуре Египта проявляли и другие декабристы — А. О. Корнилович, Ф. П. Шаховской, Н. И. Тургенев, П. И. Борисов, П. Ф. Выгодский¹⁵. В Петербургскую Академию наук Шампольон был избран в 1827 г. — на три года раньше, чем в Парижскую Академию надписей. Переписку с Шампольоном вел А. Н. Оленин¹⁶. В 1827 г. в Академии наук англичанин доктор Гренвилль демонстрировал две подлинные мумии, сопровождая показ своими комментариями об искусстве бальзамирования. Информацию об этом заседании прислал в «Московский вестник» знакомый Пушкина, член кружка Любоумров, в будущем славянофил А. И. Кошелев¹⁷. Можно добавить к этому перечню и серию статей о египетской архитектуре и скульптуре в русских журналах¹⁸.

Определенное представление обо всем этом круге тем Пушкин должен был иметь задолго до встречи с Гуляновым, еще с лицейских времен. Краткая характеристика царства фараонов и его культуры входила и в курсы истории, читавшиеся И. К. Кайдановым¹⁹, и в курсы теории изящных искусств. Ею открывается, например, названная выше книга И. Винкельмана. В уста бесхитростного автора «Истории села Горюхина» Пушкин вложил слова о «бессмертном труде аббата Миллота» (VIII, 132), т. е. о популярном курсе всеобщей истории Клода Франсуа Милло. И этот обзор начинается с большой главы о Древнем Египте²⁰.

До расшифровки иероглифов в Европе не могли оценить ни возраст египетской цивилизации, ни главные факторы, определившие ее судьбы. Но кое-какие впечатления о ней уже сложились, хотя бы о стиле памятников, о возводившихся руками тысяч рабов усыпальницах, о колоссальных статуях, об их скованности по сравнению с античной скульптурой. У Пушкина в разных произведениях мы найдем отражение этих взглядов. Для него «история древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима» (XI, 127). Говоря о тяжелом положении английских фабричных рабочих, он пишет: «Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид» (XI, 257), а в стихотворении «Герой» вспоминает, «как рать героя плещет перед громадой пирамид» (III, 252). Даже в ранних фривольных стихах «Раззевавшись от обедни...» строки о кишиневских балах:

Как египетские боги
Дамы преют и молчат (II, 192) —

передают восприятие древневосточных изваяний как чего-то застывшего, оцепенелого.

¹³ Кацнельсон И. С. Материалы для истории египтологии в России. — Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956, 2, с. 207–220.

¹⁴ Базанов В. Г. Ученая республика. М.–Л., 1964, с. 418; Шомар (перев. А. Б.-с-ъ). О гробницах в подземельях фивских. — Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1822, XIX, с. 182–194.

¹⁵ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.–Л., 1958, с. 152, 153.

¹⁶ Мачинский А. В. Переписка Ж. Ю. Шамполиона и А. Н. Оленина. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4, с. 72–90.

¹⁷ А. К. Чтение доктора Гренпиля в С.-Петербургской Академии наук о египетских мумиях. — Московский вестник, 1827, VI, с. 367–371; Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. I, кн. 2, с. 226.

¹⁸ О характере художеств у египтян и причинах оного. — Журнал изящных искусств, 1823, 4, с. 265–275; 5, с. 349–361; 6, с. 433–440; О древнем стиле художеств у египтян. — Там же. Кн. 5, с. 349–361; кн. 6, с. 433–440. О позднейшем стиле художеств у египтян. — Журнал изящных искусств, 1825, кн. I, с. 1–8; О механической части художеств у египтян. — Там же, кн. II, с. 1–9; Сравнение главных Фивских и в особенности Карнакских зданий с греческими, римскими и новейшими памятниками. — Там же, кн. III, с. 33–45; Уланов П. Об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их для себя за образцы? — Вестник Европы, 1818, № 14, с. 96–122.

¹⁹ Краткое начертание всемирной истории с принадлежащими к нему хронологическими таблицами, сочиненное для руководства при первоначальном изучении истории Императорского Царскосельского лицея профессором Иваном Кайдановым. СПб., 1822, с. 4, 8, 11; Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Императорского лицея И. К. Кайдановым, СПб., 1821. Ч. I. Древняя история, с. 31–46.

²⁰ Всеобщая древняя и новая история аббата Милота — СПб., 1820, ч. I, с. 7–69.

Но хотя и до знакомства с Гульяновым Пушкин кое-что знал о Египте, наверное, он слышал немало нового об этой стране от человека, не один год изучавшего ее прошлое. Любопытно для нас письмо П. Я. Чаадаева к Пушкину от марта-апреля 1829 г.: «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть Вас посвященным в тайну века... Последнее время стали везде читать по-русски... Я нахожу имя моего друга Гульянова, с уважением упомянутое в толстом томе, и знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венец: по-видимому, он потряс пирамиды в их основаниях»²¹. Это письмо, предшествовавшее посланию Гульянова к Пушкину и их личной встрече, возможно, и побудило поэта познакомиться с автором столь значительных трудов, расспросить его о проведенных им изысканиях.

Во всяком случае надо помнить о Гульянове при истолковании наследия самого Чаадаева. К тому же 1829 г., что и цитированное письмо, относится отрывок чаадаевской статьи об архитектуре²². М. О. Гершензон считал, что это фрагмент четвертого «Философического письма», но после открытия подлинного текста этого произведения Д. И. Шаховским²³ в наброске вернее видеть часть самостоятельного незавершенного очерка. Большое внимание в нем уделено сравнению памятников Нила с греческими и готическими храмами, «духу Востока», воплотившемуся в пирамидах. Для общей характеристики культуры Египта такому образованному человеку, как Чаадаев, консультации Гульянова были, конечно, не нужны, но есть здесь и такая фраза: «Циклопические постройки, в том числе индийские — наиболее обширные в этом роде, представляют собою лишь первые проблески идеи искусства»²⁴. В 1820-х годах о мегалитах Индии слышали очень немногие. Менгиры и дольмены были выявлены там только в 1819 г. — на Малабарском побережье — и описаны год спустя Д. Бэбингтоном в весьма специальном издании²⁵. Это показывает, что при работе над статьей об архитектуре Чаадаев пользовался советами какого-то ученого, знакомого с новейшей литературой по археологии. Думается, что им был не кто иной, как И. А. Гульянов. Мыслителя, пытавшегося постичь философию истории, не могли не интересовать древнейшая цивилизация и первые шаги искусства. Недаром вопрос о памятниках прошлого занимает в «Философических письмах» такое важное место (мы к этому еще вернемся). Закономерно, что эрудированный лингвист и египтолог оказался для Чаадаева чрезвычайно ценным информатором. О близости их свидетельствуют две французские записки Чаадаева, сохранившиеся в архиве Гульянова²⁶.

Глубокое уважение к нему питали и другие современники из окружения Пушкина — П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, назвавший Гульянова «слава европейская»²⁷. На фоне полного молчания о трудах Оленина, снисходительных замечаний о Броневском, пренебрежительного отзыва о Дюбрюксе выделяется и отношение к Гульянову самого Пушкина. Между тем, не говоря о разнице лет, тот был во многом чуждым для поэта человеком. Он отличался большим самомнением, искал высоких чинов, приехав в Россию из-за границы, добивался всяческих привилегий: звания статского советника со старшинством, оклада в две тысячи рублей и права постоянно жить в чужих краях²⁸. Среди бумаг Гульянова уцелело его объяснение по поводу жалобы избитого им станционного смотрителя. Объяснение довольно

²¹ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма в 2-х т. М., 1913, т. I, с. 73 (подлинник по-французски, перев. — т. II, с. 105, 106. Ср.: XIV, 44)

²² Там же, т. I, с. 138–142 (перев. — т. II, с. 172–176).

²³ Шаховской Д. И. П. Я. Чаадаев — автор «Философических писем». — Литературное наследство, 1935, 22–24, с. 8–9.

²⁴ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. II, с. 173 (перев. с французского).

²⁵ Babington J. Description of the Pandoo Cooliesin, Malabar. — Transactions of Literary Society. Bombay, 1820, p. 324–330 (no: Krishnaswami V. D. Megalithic types of South India. — Ancient India, 1949, N 5, p. 44).

²⁶ Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 390, л. 240, 241; Формозов А. А. Пушкин, Чаадаев и Гульянов. — Вопросы истории, 1966, № 8, с. 213, 214.

²⁷ Вяземский П. А. Несколько слов о г. Гульянове и трудах его. — Полн. собр. соч. в 12-ти т. СПб., 1878, т. I, с. 216–218; Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.–Л., 1934, с. 393 (письмо к С. П. Шевыреву от 28 января 1827 г.). См.: Куликова А. М. И. А. Гульянов и его научно-литературные связи. — Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984, с. 145–169.

²⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. III, с. 335, 336.

путанное: сначала ответчик утверждает, что из кареты не выходил и зрителя даже не видел, а потом ссылается на свое раздражение из-за болезни зубов и дерзости этого якобы невиденного им чиновника. Вспоминаются «Повести Ивана Петровича Белкина»: «Кто не проклинал станционных зрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснения, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение, и может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный зритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда» (VIII, 97).

Но при всех неприятных чертах характера было в Гулянове и нечто другое. Т. Н. Грановский, навестивший его в 1838 г. в Дрездене, писал: «Странности его, немного мелкое самолюбие и уважение к чинам заметны тотчас, но за этим столько любви к науке, столько сведений, что можно бы извинить и гораздо большие недостатки»²⁹. Гулянов был настоящим полиглотом. Он владел китайским, арабским, армянским, древнееврейским языками не хуже, чем всеми европейскими, изучал языки Африки, Индии, Гренландии, Полинезии, Южной Америки. Он общался с Гете, Александром Гумбольдтом и другими выдающимися людьми. Его труды печатались в Лейпциге, Париже и высоко ценились читателями. Безусловно, ему делает честь то, что он — человек старшего поколения, введенный в Российскую Академию архайстом и ретроградом А. С. Шишковым, — тянулся к молодому Пушкину, восхищался его талантом и его знаниями.

Увы, репутация Гулянова у потомства совершенно иная, чем у современников. Если бы не «Ответ анониму», он был бы начисто забыт. Крупнейший русский египтолог Б. А. Тураев в статье о нем для энциклопедии ограничился справкой, что он «обесславил себя полемикой с Шамполионом»; ту же фразу повторил уже в 1960 г. академик М. А. Коростовцев³⁰. Действительно, попытки опровергнуть расшифровку иероглифов, данную Шамполионом, и резкие отзывы о его публикациях сыграли самую отрицательную роль в смертной судьбе Гулянова. И все же, на мой взгляд, главная беда была не в этом. Только одна узкая тропинка ведет к истине, отыскать ее безмерно трудно. Большинство ученых обречено отклоняться от верного пути, прокладывая направления, уводящие от него куда-то в сторону. Это трагично, но неизбежно. То же случилось и с Гуляновым. Хуже другое: его научное наследие вообще очень невелико, и пожалуй, никакие его наблюдения не получили развития в лингвистике или египтологии. Огромные знания пропали впустую³¹.

Почему это произошло, позволяет понять цитированное выше письмо Грановского. Пятидесятилетний Гулянов чувствовал, что силы его уходят, а итоговая работа только начата. «Все это пропадет, когда я умру», — говорил он, указывая на груды рукописей. «Я едва не рассмеялся, — признается Грановский, — когда он сказал мне, что у него объяснение встречающейся в иероглифах тростниковой корзинки занимает более трехсот страниц... — Сколько же томов будет иметь вся Ваша книга? — Я заканчиваю только предисловие. Из него выйдет пять больших томов»³². (Но даже это предисловие не дошло до типографского станка.) И среди нас найдутся научные работники такого типа — очень начитанные, но неспособные подняться над фактами, буквально тонущие в них. Эрудиция подобным специалистам скорее мешает, чем помогает.

Знакомство Пушкина и Гулянова было непродолжительным. В июне 1832 г. египтолог уехал за границу³³, где и умер через десять лет. Но интерес Пушкина к Египту не угас. Это доказывают и наброски «Осени», и рисунок на полях этого стихотворения, и еще один зна-

²⁹ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. II, с. 324 (письмо к Я. М. Неверову от 10 апреля 1838 г.).

³⁰ Гулянов. — Новый энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон. СПб., [б. г.], т. 15, с. 247; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II, с. 292.

³¹ См. оценку деятельности И. А. Гулянова у И. С. Кацнельсона (Материалы для истории египтологии..., с. 222–224) или у С. К. Булича (Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904, т. I, с. 599–608).

³² Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, с. 324 (в подлиннике слова Гулянова — по-французски).

³³ Труды г. Гулянова. — Телескоп, 1832, № 10, с. 267–270.

менательный факт.

В 1833 г. известный журналист и востоковед О. И. Сенковский напечатал «Ученое путешествие на Невежий остров», где в обычном для него гаерском тоне издевался над рядом видных ученых, назвав, в частности, Ж. Шампольона шарлатаном и противопоставляя ему Гульянова³⁴. Пушкин счел необходимым ответить на эти выпады в «Современнике». По его просьбе статью в защиту науки подготовил В. Ф. Одоевский³⁵. Название ее — «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» — дано редактором, расценившим статью как «дельную, умную и сильную» (XVI, 100). Значит, при всем интересе к трудам Гульянова, по важнейшему для того вопросу — о правильности расшифровки иероглифов Шампольоном — Пушкин решительно разошелся со своим собеседником.

Этот очерк можно было бы закончить, но нельзя пройти мимо еще одного сообщения, непосредственно касающегося той же темы. В 1834–1835 гг. по Египту и Нубии путешествовал знакомый Пушкина Авраам Сергеевич Норов. Книга его путевых записок вышла уже после смерти поэта, но до этого Норов, несомненно, рассказывал в петербургских салонах о том, что он видел на Ниле. Опубликован отклик Пушкина на один из таких рассказов. Во время своей поездки Норов узнал о находке древней каменной статуи: «Изида была найдена в песке, она ему показалась такую замечательною, что он тотчас же купил ее у местных жителей... Это красивая базальтовая статуя. Когда ее нужно было поставить [очевидно, на корабль. — А. Ф.], местные женщины толпами приходили прощаться с Изидою, пели вокруг нее, и какой-то старик говорил речь. Переводчик объяснил Норову, что это была статуя богини и царицы всей страны и что жители оплакивали ее похищение и прощались с нею. Вернувшись в Петербург, Норов рассказал об этом Пушкину. На последнего рассказ произвел сильное впечатление, он сказал: "Какую чудную поэму можно было бы создать из этого эпизода, описать этот невежественный народ, сохранивший свои предания и легенды в продолжение стольких веков, не ведая, что изображает Изида. Но, чтобы написать об этих исторических странах, нужно их видеть, жить там. Мы, северные варвары, похищаем у них их сокровища, их святыни, в этом мы несправедливы. Нужно было бы открыть музеи в Египте и везде, где производятся раскопки. Откровенно говоря, фриз Парфенона не совсем на месте на берегах Темзы. Я вполне понимаю гнев Байрона по поводу Эльгинского мрамора". Он пошел взглянуть на Изиду, хранившуюся тогда под лестницей в Академии [художеств], он часто останавливался любоваться на сфинксов, помещенных на набережной перед Академией, и посмеивался над сделанною на них надписью, действительно довольно странною. Он однажды сказал, что лица этих сфинксов часто стоят перед ним, как загадка, которую нужно решить, с их странною улыбкою и повелительным взглядом»³⁶.

Если слова Пушкина переданы точно, для нас это поистине драгоценное свидетельство: оказывается, к концу жизни он не просто понял значение музеев, не очень ясное ему вначале, но даже задумывался о музеях на месте раскопок. В самом деле, только не вырванные из своего окружения произведения искусства будут восприниматься нами полноценно — приближенно к тому, как воспринимали их люди, приходившие к ним в глубокой древности. Проблема эта актуальна и сейчас, но создать археологические музеи под открытым небом удается далеко не везде. В этой связи Пушкин вспомнил о скульптурах Фидия, выломанных в 1802 г. лордом Томасом Эльджином из фронтона Парфенона в Афинах, о возмущении Байрона этим вандализмом, что вылилось в строфах его поэм «Паломничества Чайлд Гарольда» и «Проклятие Минервы»³⁷. Проницательные соображения об охране памятников старины сочетаются с характерной для Пушкина уверенностью в том, что древние предания живут тысячелетия, проявившейся и в его отношении к легендам об Овидии.

Все вроде бы звучит убедительно, но ни в один свод мемуаров о Пушкине этот отрывок не вошел. Он взят из пресловутых «Записок А. О. Смирновой», изданных ее дочерью Ольгой

³⁴ Фантастические путешествия барона Брамбеуса. СПб., 1835, с. 67–264.

³⁵ С. Ф. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе. — Современник, 1836, II, с. 211–216.

³⁶ Записки А. О. Смирновой. Из записных книжек 1826–1845 гг. СПб., 1897, ч. II, с. 71.

³⁷ Байрон Д. Избранные произведения. М., 1953, с. 73.

Николаевной в журнале «Северный вестник» в 1893–1894 гг., а потом напечатанных отдельно в двух частях. Сомнения в достоверности этих воспоминаний зародились сразу же после их публикации. Пушкин говорит здесь о «Трех мушкетерах» Дюма, увидевших свет через семь лет после его смерти, опекает юного Лермонтова и, главное, обожает государя императора Николая Павловича. Несообразностей здесь множество, и нет оснований отвергать вывод литературоведов, что этот текст сочинен самой Ольгой Смирновой, а вовсе не извлечен ею из архива матери³⁸.

Все же нельзя забывать, что Ольга Смирнова, конечно же, неоднократно расспрашивала свою мать о ее встречах с Пушкиным, а кроме того располагала и ее дневниками, позднее утраченными. Некоторые страницы в целом фальсифицированных «Записок» могут воспроизводить запомнившиеся с детства рассказы или подлинные заметки исчезнувшего дневника. Кое-кто из историков пользовался поэтому заподозренным источником, в частности и приведенным нами отрывком³⁹. Попробуем проверить изложенные в нем факты.

Существовала ли статуя? Да, ее можно увидеть и сейчас. Она хранится в Государственном Эрмитаже, а поступила туда в 1852 г. из Академии художеств, где находилась с 1837 г., после того как была доставлена в Петербург А. С. Норовым. Статуя высечена из черного гранита, высота ее 2 м, время создания — эпоха Аменхотепа III, XV в. до н. э. Это изображение не Изиды, а другой богини — Сохмет-мут — из храма Мут в Фивах⁴⁰. Итак, рассказать о своей покупке Пушкину Норов бесспорно мог, а вот осмотреть скульптуру в Академии художеств поэт вряд ли успел. Изваяние установили там, должно быть, после его смерти. Приведенных из Фив сфинксов Аменхотепа III Пушкин, несомненно, видел. Слова Смирновой о странной надписи поясняются мемуарами А. И. Рибопьера: «А. Н. Оленин, бывший в ту пору директором Академии, приказал вырезать под каждым из сфинксов несчастные подписи: "Сии огромные сфинксы..." и др. Все над этим смеялись, но из деликатности государь оставил надписи, покуда жив был Оленин. Только после его смерти они были стерты»⁴¹. Действительно, Оленин умер в 1842 г., а существующие сейчас надписи высечены в 1843⁴².

Могла ли А. О. Смирнова слышать разговор Норова с Пушкиным? Нет, не могла. Она уехала за границу в 1835 г. до возвращения путешественника на родину, а вернулась уже после гибели Пушкина. Поэтому заведомо выдумана попавшая в «Записки А. О. Смирновой» (из «Северного вестника») фраза Пушкина: «Норов сообщил мне чрезвычайно любопытные подробности о Египте»⁴³. Но беседа об «Изиде» включена в текст не как свидетельство очевидца, а в пересказе Норова при встрече с А. О. Смирновой в Париже в 1839 г. Это уже более вероятно. Не будем придирается к таким неточностям, что фигура не базальтовая, а гранитная, и не Изида, а Сохмет-мут. В подобных вопросах Норов и сам не очень разбирался. Обратимся лучше к его путевым запискам.

Там говорится, что при перевозке изваяния из Фив в Александрию в Дендерах «одна молодая арабская дама в сопровождении нескольких саисов проезжала на роскошно убранном лошаке возле берега, где была причалена моя дагабия; она была поражена видом приобретенной мною в Фивах статуи богини Нейт, которая занимала почти всю палубу. Остановясь, она послала просить позволения войти на дагабию, и мои люди поспешили пригласить ее. Подойдя к статуе, она долго смотрела на нее в большой задумчивости, потом стала на колени, набожно поцеловала ее в грудь и удалилась со слезами на глазах. Мой кавас сказал

³⁸ См.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 156; Житомирская С. В. К истории мемуарного наследия А. О. Смирновой. — Пушкин. Исследования и материалы, 1973, IX, с. 323–344.

³⁹ С доверием отнесся к приведенному нами рассказу О. Н. Смирновой академик В. С. Иконников (Исторические воззрения Пушкина. Киев, 1911, с. 1, 2). В наши дни широко использовал этот источник доктор исторических наук С. С. Волк (Исторические взгляды декабристов, с. 196, 203, 227, 233).

⁴⁰ Лапис И. А., Матъе М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969, с. 5, 94, 95, рис. 66 (№ 102 описания).

⁴¹ Записки графа А. И. Рибопьера. — Русский Архив, 1877, № 5, с. 3–4.

⁴² Струве В. В. Петербургские сфинксы. — Записки классического отделения Русского археологического общества. СПб., 1913, VII, с. 20–51.

⁴³ Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895, ч. I, с. 299.

мне, что образованный класс людей в Египте приписывает чудесные силы древним изваяниям Египта, полагая, что они сделаны руками гениев. Одна старая женщина из свиты этой дамы сказала, что ее госпожа молилась о прекращении ее неплодия»⁴⁴.

Эпизод, разумеется, тот же, но освещение его далеко не во всем совпадает с тем, что дано в «Записках А. О. Смирновой». Речь идет не о прощании с покидающей страну богиней, а о суеверном поклонении древним истуканам, таком же, какие совершались тогда и в России около каменных баб на курганах в причерноморских степях. Женщин — не толпы, а всего одна, оратора-старика нет и в помине. О реакции Пушкина тоже нет ни слова. Заметим, что и именуется богиня не Изидой, а Нейт (автор сопоставлял ее с Минервой и Афиной). О точной передаче воспоминаний Норова говорить, как видим, не приходится.

Но у нас есть еще один источник — неоконченные подлинные «Записки» А. О. Смирновой, опубликованные в «Русском архиве» за 1895 г. Пушкину уделено в них удивительно мало внимания, зато о скульптуре Изиды есть несколько строк. Купленная за 6 тыс. франков, она была довезена морем до Одессы, а оттуда отправлена на санях в Петербург, что все вместе стоило еще 6 тысяч. К тому моменту, когда груз достиг столицы, Норов позабыл о своей покупке, и ее с трудом удалось пристроить под лестницей в Академии художеств. «По Нилу встретил он какую-то женщину, которая целовала Изиду и оплакивала ее отъезд»⁴⁵. Услышала все это А. О. Смирнова от Норова не в 1839 г. в Париже, а в 1848 г. — на даче под Павловском, причем явно впервые⁴⁶. Никаких реплик Пушкина она не цитирует.

Скорее всего О. Н. Смирнова построила свой разукрашенный рассказ, отталкиваясь именно от этой записи. И у нее Изиды, а не Нейт, как у Норова, и у нее «оплакивание отъезда богини», а не мольба о прекращении бесплодия (вероятно, светски воспитанный Норов постеснялся объяснить даме, зачем целовали древнего идола). Фигурирует тут и площадка под лестницей в Академии художеств.

Таким образом, использовать этот источник в нашей работе было бы неосторожно. Можно лишь допустить, что не в мемуарах, а в дневнике А. О. Смирновой, не дошедшем до нас, но доступном ее дочери, был записан из уст Норова подлинный отклик Пушкина на его повествование о египетской статуе. Предоставляю читателю выбрать одну из этих двух версий. Мне, к сожалению, первая кажется более достоверной.

---

⁴⁴ Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 годах Авраама Норова, служащее введением к путешествию по Святой земле. СПб., 1853, ч. II, с. 350. Саис — провожатый, дагабия — парусное судно, кавас — египетский чиновник, приставленный к Норову.

⁴⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник, воспоминания. М., 1989, с. 212, 213.

⁴⁶ Там же, с. 212, 483.